

Глава 26. Эпизод 6. Спасение сикигами

Минамото-но Хиромаса во весь дух мчался во Внутренний дворец. Сэймэя там не оказалось, и тревога, ледяной иглой вонзившаяся в сердце, заставила его метаться из стороны в сторону.

Попытка выпросить аудиенцию у императора Мураками окончилась ничем: государь сослался на внезапный недуг и наотрез отказался принимать гостя. От этого отказа смутное предчувствие беды лишь укрепилось.

Упрямый до глубины души, Хиромаса решил не отступать. Он замер у входа в Зал Пурпурных покоев — Сисиндэн, готовый стоять под открытым небом хоть до скончания веков, пока владыка не сменит гнев на милость.

К нему бесшумно скользнул один из дворцовых евнухов и, склонившись к самому уху, едва слышно зашептал:

— Господин Минамото третьего ранга, умоляю, уходите. Государь сейчас совсем не в духе, он ни за что вас не примет.

Хиромаса нащупал за пазухой мешочек с золотым песком и незаметно вложил его в ладонь слуги.

— Заклинаю вас, разузнайте, что стряслось с Сэймэем. Очень вас прошу!

Евнух боязливо огляделся по сторонам и, убедившись, что никто не подслушивает, приглушил голос до еле различимого шелеста:

— Не знаю, какая муха укусила Его Величество, но господина Сэймэя заперли в одном из потайных казематов дворца.

— Что?! — выдохнул пораженный Хиромаса. — Сэймэй под стражей?.. Да за какие грехи? Он хотя бы цел?

— Сам толком не ведаю, — покачал головой слуга. — Поговаривают, будто он совершил нечто неслыханное, оскорбив государя. Дело принимает скверный оборот. До меня дошли слухи, что уже послали за Онъё-но ками, дабы тот совершил умиловительный ритуал.

— Умиловительный ритуал? — нахмурился Хиромаса. — К чему это?

— Видите ли, онмёдзи — посредники между богами, людьми и духами. Проливать их кровь просто так нельзя, иначе навлечёшь гнев небес. Если государи решаются на казнь мастера Инъ-Ян, то сначала приносят искупительные жертвы вышним силам. Его Величество ещё на

рассвете велел призвать Онъё-но ками. Опасаюсь, судьба господина Сэймэя предрешена.

— Да как же так... — пробормотал побледневший Хиромаса. — Сэймэй... Нет, это безумие! Он не должен умереть!

— Господин Минамото, ступайте домой, заклинаю вас. Коли прояснится чего, я непременно дам вам знать.

— И не подумаю! — отрезал Хиромаса. — Буду стоять здесь, пока император меня не выслушает. Без Сэймэя я отсюда не уйду, хоть вечность меня тут маринуйте.

Вздохнув, евнух сокрушённо покачал головой и поспешил скрыться в глубине дворцовых переходов.

В этот миг под высокими сводами пустого дворцового покоя беззвучно запорхала лазоревая бабочка.

Она заметила Хиромасу, застывшего на коленях у входа в Сисиндэн, трижды описала над его головой плавный круг и устремилась дальше, в полумрак внутренних палат.

— Мицумуси?.. — тихо прошептал Хиромаса, провожая её взглядом. — Неужто и ты прилетела ему на выручку?

Легкокрылая гостья миновала лабиринты коридоров и скользнула в узкую отдушину мрачной каморки на самой окраине дворца.

Там, среди глухих каменных стен, в полном одиночестве сидел Абэ-но Сэймэй. Его лицо, вопреки заточению, хранило обычное выражение сонного превосходства, а сам он едва заметно и лукаво усмехался.

Лазоревое крылышко мягко опустилось на плечо онмёдзи.

— Ну что, Мицумуси? Все ли мои поручения исполнены? — тихо спросил он.

Бабочка вспорхнула, окуталась зыбкой дымкой и обернулась прекрасной девой. Сикигами Мицумуси склонилась перед хозяином в глубоком поклоне.

— Я сделала всё точно так, как вы велели, господин. Вот только госпожа Байфэн наотрез отказалась следовать за мной.

Сэймэй кивнул, ничуть не удивлённый её словами.

— Ты превосходно справилась. Достаточно того, что весть доставлена. Обо всём остальном не заботься.

— Повинуюсь, господин. И ещё... Господин Хиромаса застыл на коленях у входа в Сисиндэн. Он намерен стоять там до тех пор, пока Его Величество не соизволит принять его.

— Славный, глупый Хиромаса... — Сэймэй вздохнул, и в его голосе проскользнули тёплые ноты.
— Ступай отсюда, Мицумуси. Дворцовые стены сейчас небезопасны для духов. И разыщи Хиромасу. Скажи ему, что со мной всё в порядке. Иначе этот простодушный добряк с горя наломает дров.

Дева согласно кивнула, вновь обернулась лазоревой бабочкой и растаяла в душном полумраке каземата.

Зал Прохлады — Сэйрёдэн

Император Мураками сидел в полном одиночестве. Тишина просторного зала не приносила покоя — мысли его метались, а на сердце лежала гнетущая тревога.

Шорох шагов нарушил безмолвие. Вошедший слуга почтительно склонился:

— Ваше Величество, господин Минамото, Уэ-но-Тюдзё третьего ранга, смиренно молит об аудиенции.

Мураками устало махнул рукой, даже не взглянув на просителя.

— Отошли его. Сегодня я не приму ни единой души. Оставьте меня одного.

— Слушаюсь, государь, — прошептал евнух и торопливо покинул Зал Прохлады.

Вокруг вновь воцарилась мертвенная тишина. Лишь изредка снаружи доносился заунывный шорох — то сухой осенний ветер гнал по плитам двора палые листья.

И вдруг из густых теней в дальнем углу залы донеслось тихое, насмешливое хмыканье.

— Кто здесь? — вскинулся испуганный Мураками, вглядываясь в полумрак. — Разве я не велел всем убраться? Чья дерзость превзошла всякие границы?!

— В этих покоях, кроме тебя, нет больше ни единой живой души, — прошелестел в ответ

нежный женский голос.

Император замер. Голос, без сомнения, принадлежал женщине, но звучал он странно — словно доносился из глубокого колодца или сквозь пелену сна.

Липкий страх пополз по спине государя.

— Если здесь никого нет... то с кем же я говорю? Зачем прятаться во тьме? Или ты страшишься явить свой лик?

Из угла донёлся тихий, печальный смех.

— Неживой душе не пред кем прятаться. Я не человек, владыка Фусо, оттого очи твои и не видят меня. Я не желала тревожить твой покой, но нужда заставила. Прости же мне мою незваную дерзость.

Тьму прорезала тонкая белая вспышка, и прямо перед троном соткался призрачный женский силуэт, созданный словно из лунного света и тумана.

Император в ужасе отшатнулся, вцепившись в подлокотники.

— Что ты за тварь?! Сгинь, нечисть, не то я велю немедленно призвать онмёдзи! Сэймэй! Где Сэймэй?!

Призрак грустно усмехнулся.

— Как скоротечна память великих владык... Не твоей ли волей Абэ-но Сэймэй томится сейчас под стражей в сыром каземате?

— Твоя правда... — Мураками сглотнул вставший в горле ком. — Но откуда тебе ведомо об этом? Кто ты и зачем явилась?

— Неужто государь позабыл мой облик? — Призрак плавно поклонился. — Я — принцесса Мёки, дочь принца Ли из государства Великая Тан.

— Мёки?.. — Император во все глаза уставился на гостью.

Тонкие черты лица, благородная осанка — перед ним стояла вылитая принцесса Мёки. На ней было тончайшее одеяние из белого шёлка по танской моде, а подол платья плавно колыхался, не касаясь пола, словно дева парила в воздухе.

— Полноте... Мне доносили, что принцесса Мёки преставилась в усадьбе принца Ли ещё в прошлое Празднество середины осени. Я самолично отправлял соболезнования императору Великой Тан! Как же ты можешь быть здесь?

— Всё так. Земной путь мой оборвался в ту самую ночь, когда луна была полна, — тихо подтвердила дева.

Её взгляд, холодный и чистый, точно зимние звёзды, устремился на государя.

Мураками передёрнуло от этого ледяного взора, и он поглубже вжался в трон.

— Во время прошлогоднего посольства я повстречала здесь господина Абэ-но Сэймэя, и сердце моё пленилось им без остатка. Однако долг защитницы государства, наречённой самим Сыном Неба Великой Тан, не позволил мне остаться в Хэйан-кё. Тоска обратилась в скрытую обиду, источившую мои силы, и я угасла в одночасье. Но душа моя не пожелала покинуть этот мир.

— Чего же ты ищешь теперь, несчастная душа? — уже мягче спросил заинтригованный император.

— При жизни у меня гостила пара драгоценных флейт, дарованных покойным государем, — «Созвучие Луаня и Феникса». Одну из них положили со мной в гробницу, вторую же я велела отослать Сэймэю. Мой дух последовал за этим даром через бескрайние воды океана. Мне не нужно многого — лишь быть незримой тенью подле него. В этом моё скромное счастье.

— Вот оно как... — пробормотал тронутый Мураками.

— Но ты, о владыка, запер его во тьме, лишив меня единственной радости. Оттого я и явилась пред твои очи. Заклинаю, отпусти моего возлюбленного!

— Выпустить Сэймэя?! — Император вновь нахмурился, в нём проснулся праведный гнев отца. — И не проси! Этот негодяй, прикрываясь чарами невидимости, пробрался в покои моей дочери, принцессы Суи-кикугэцу! Подобного позора я не потерплю и не прощу никому!

Гостя разразилась тихим залиvistым смехом, но в его переливах сквозила такая могильная стужа, что Мураками невольно передёрнуло.

— Тебе страшно говорить с мёртвой, император? И всё же вы, живые, слепы и глупы в своём высокомерии. Твоя драгоценная дочь, принцесса Суи-кикугэцу, уже давно лишилась души. В её теле угнезвился прожорливый демон, который рано или поздно пожрёт и тебя, и весь твой двор, не оставив даже костей.

— Что?.. — Мураками побелел как полотно. — Что ты такое говоришь?!

— Абэ-но Сэймэй рисковал жизнью ради твоего же спасения! Он проник во дворец под покровом ночи лишь ради того, чтобы изгнать тварь из тела принцессы. Помнишь ли ты клубы чёрного тумана, что вились в её покоях? Сэймэй не желал тебе зла, но твоё внезапное появление спутало все карты, и ему пришлось скрыть своё присутствие чарами. А та кровожадная бестия, пьющая людскую кровь... это и есть твоя дочь, точнее — то, что от неё осталось.

— Неужто... неужто это правда? — Император судорожно вздохнул, припоминая ту жуткую ночь.

— Сэймэй — благородный муж. Он понимал, какой позор падёт на императорский дом, если раскроется правда о принцессе-демоне. Тварь сама выдала его присутствие, сотворив злобные чары, а он смолчал под твоим гневом, лишь бы сберечь девичью честь твоей дочери. Если ты казнишь единственного, кто способен противостоять злу, то демону больше некому будет мешать. Он прикончит тебя при первом же удобном случае.

Ужас сковал волю Мураками. Запинаясь, он выдавил из себя:

— Но ты, принцесса Мёки... Весь свет знал о твоей мудрости и чистоте. Ты ведь постигла тайны великого дао и владела светлым искусством?

— Верно. Мой взор, очищенный от земного праха, видит суть вещей. Отрезав Сэймёю голову, ты подпишешь смертный приговор и себе, и своей несчастной дочери.

— О, боги... — Император закрыл лицо руками.

— По правде говоря, сердце моё мечется в сомнениях, — прошептала дева, устремив туманный взор куда-то вдаль. — Моя эгоистичная любовь жаждет его гибели. Откинь он копыта — и мы воссоединились бы навсегда. Я ведь не простой неупокоенный призрак, а дух бессмертный, восшедший над миром теней благодаря праведным трудам при жизни. Нам не страшен солнечный свет. Будь Сэймэй мёртв, я бы забрала его душу в Великую Тан... Но долг велит мне говорить правду. Без него Хэйан-кё падёт под натиском демонов.

— Заступник Хэйан-кё?.. — переспросил Мураками. — Ты утверждаешь, что Сэймэй — щит нашей столицы?

— Да. Небеса даровали этому граду двоих заступников. Первый — Абэ-но Сэймэй. Второй — верный и честный Минамото-но Хиромаса, что сейчас стирает колени на плитах перед твоим залом. Кабы не эта великая ноша, Сэймэй давно бы умчался со мной за океан... И я не угасла бы от тоски на чужбине.

Призрак замолчал, и тихий вздох, полный невыразимой скорби, всколыхнул холодный воздух залы.

Мураками тяжело, сокрушённо вздохнул.

— Какое пагубное ослепление... Я едва не совершил непоправимое.

— Но постой! Что же нам... — Император потянулся вперёд, желая расспросить гостью, но белесый силуэт растаял, словно утренний туман под первыми лучами солнца.

«Теперь мне всё ясно. Спасибо тебе, принцесса Мёки...» — мысленно поблагодарил Мураками.

Он выпрямился на троне и зычно крикнул:

— Эй! Кто-нибудь, ко мне!

Двери мгновенно распахнулись, и на пороге вырос встревоженный слуга.

— Слушаю, Ваше Величество!

— Немедля ступай в казематы. Освободи Абэ-но Сэймэй и с почестями приведи его сюда, в Зал Прохлады. И позови Хиромасу — бедняга, небось, совсем окоченел снаружи. Пусть оба предстанут предо мной.

Слуга поклонился и поспешил исполнить указ.

Спустя малую долю часа Сэймэй и Хиромаса уже стояли перед государем, совершая чинный придворный поклон.

Сэймэй, как ни в чём не бывало, мягко улыбался. Хиромаса же то и дело косился на друга, и в его глазах до сих пор читалась нешуточная тревога.

— Сэймэй, — император заговорил негромко, но весомо. — Тьма сгущается над дворцом. Я поручаю тебе изгнать скверну, что угнездилась в этих стенах.

— Повинуюсь, Ваше Величество. Мой долг — служить Хэйан-кё, — спокойно ответил онмёдзи.

— Скажи, Сэймэй... — Мураками пылливо взгляделся в его лицо. — Помнишь ли ты принцессу Мёки из Великой Тан?

— Разумеется, помню, — без тени смущения отозвался Сэймэй. — Сия дева была дочерью принца Ли и носила почётный титул защитницы государства. Силы её духа и познания в великом дао были столь велики, что искусством своим она едва ли уступала мне. К несчастью, её земные дни пресеклись в прошлое Празднество середины осени. Помнится, Ваше

Величество тогда лично направляли посольство с соболезнованиями в Чанъань.

— Да, время летит стремительно, — Мураками задумчиво кивнул. — Поговаривают, перед кончиной принцесса отправила тебе некий прощальный дар?

Сэймэй тихонько рассмеялся, прикрыв рот веером.

— Всё верно. Спустя пару месяцев после её ухода ко мне явился гонец с резной шкатулкой. В ней лежала её любимая флейта из белого нефрита. Увы, я не силен в музыке, оттого реликвия просто хранится у меня в усадьбе. Позвольте спросить, почему Ваше Величество вспомнили о ней?

— Нет... нипочему. Пустые расспросы, — поспешно отмахнулся Мураками, хотя в его душе воцарилось окончательное облегчение. — Что ж, раз дела обстоят так... Сэймэй, Хиромаса! Судьба столицы — в ваших руках. Не подведите меня.

— Слушаем и повинемся, — в один голос ответили друзья.

У дверей вновь появился евнух:

— Ваше Величество, Онъё-но kami ожидает вашего соизволения войти.

— А, верховный онмёдзи... — Мураками поморщился. — Скажи ему, что спешной нужды нет. Пусть со своими подчинёнными сотворит молитву о мире во дворце и умилостивит богов. Этого будет достаточно.

— Слушаюсь, — отозвался слуга и скрылся за портьерой.

— Ночь уже глубока, Ваше Величество, вам надобно отдохнуть. Позвольте нам откланяться, — мягко проговорил Сэймэй.

Государь благосклонно кивнул, и верные спутники покинули Зал Прохлады.

Усадьба Сэймэя на Цутимикадо

Друзья сидели на открытой веранде, лениво потягивая тёплое сакэ из глиняных чарок.

— Сэймэй, — Хиромаса не выдержал и подался вперёд. — Объясни ради богов, с чего государь сначала упрятал тебя за решётку, а потом ни с того ни с сего отпустил с почестями? Что

стряслось-то?

Сэймэй неторопливо взмахнул веером-летучей мышью и заговорщически подмигнул другу:

— Всё из-за той зловещей мглы, что клубится вокруг нашего государя.

— И что же? Тебе удалось разглядеть ту тварь?

— Увы, нет, — отозвался онмёдзи.

— И всё же Мураками вёл себя очень странно. С чего вдруг он завёл речь о принцессе Мёки? Ты ведь сам говорил мне, что она воспарила на небеса и обрела бессмертие?

— Так и есть, — кивнул Сэймэй.

— Постой... А флейта белого нефрита действительно у тебя?

— Истинно так.

— Сэймэй, покажи, а? Страсть как хочется взглянуть на такое чудо!

— К чему спешка? — лукаво протянул Сэймэй. — Ты увидишь её сию же секунду.

В серебристом сиянии луны на дорожке сада соткался зыбкий силуэт. Белые шёлковые одежды плавно колыхались в такт беззвучным шагам прекрасной девы.

Хиромаса едва не поперхнулся сакэ и вытаращил глаза:

— С-сэймэй!.. Да это же... это же принцесса Мёки!

Сэймэй лишь мягко улыбнулся и склонил голову перед гостьей.

— Благодарю вас, госпожа Байфэн. Вы спасли мою скромную голову от плахи.

— Избавьте меня от ваших благодарностей, — ледяным тоном отозвалась дева. — Я уже тысячу раз пожалела, что ввязалась в эту нелепую затею. Заставить меня разыграть этот балаган перед очами императора, прикрываясь именем усопшей госпожи... Неслыханная дерзость!

— О полно вам, сестрица Байфэн, не серчайте, — раздался тонкий голосок. Из тени сада

выпорхнула Мицумуси. — Вы сотворили благое дело, и принцесса Мёки на небесах уж точно не стала бы гневаться на вас за эту невинную ложь.

Дева не удостоила сикигами ответом, лишь одарила Сэймэя пронзительным ледяным взглядом.

— Прошу вас, Сэймэй, оставьте меня в покое. Мой единственный удел — безмолвие. Я желаю вновь стать флейтой.

С этими словами она скользнула мимо ошеломлённого Хиромасы в глубь покоев. Спустя миг её очертания померкли, и на дно лаковой шкатулки мягко опустилась изящная флейта из белого нефрита.

Сэймэй тихонько хохотнул, кивнув Мицумуси, чтобы та прибрала ларец.

— Горделивое создание, вся в свою покойную хозяйку... Пожалуй, у неё нрав даже круче, чем у принцессы Мёки.

Хиромаса, доселе сидевший с разинутым ртом, наконец обрёл дар речи:

— Сэймэй... Да как же так?! Та флейта из белого нефрита... разве она не принадлежала Юй-лану? Откуда она у тебя? И почему эта дева, Байфэн, лицом точь-в-точь покойная принцесса?!

— Эту флейту зовут Байфэн, — с улыбкой пояснил онмёдзи. — Она — сикигами принцессы Мёки. Перед смертью госпожа приказала передать инструмент мне. Именно её призрачное искусство вызвало меня из темницы.

— Но постой! — наморщил лоб Хиромаса. — Принцесса всегда играла на флейте из изумрудного нефрита! Флейту из белого нефрита я видел лишь в руках Юй-лана...

Мицумуси не выдержала и прыснула в кулак:

— Ах, господин Хиромаса, вы до умиления простодушны! Нефритовый юноша Юй-лан и чудесная принцесса Мёки — это ведь один и тот же человек!

— Что-о-о?! — Хиромаса округлил глаза так, что они едва не выкатились из орбит. — Один и тот же?! Но Юй-лан ведь мужчина, а Мёки...

— Ну конечно, — лукаво подмигнул Сэймэй. — С самого начала.

— Но как... как мужчина и принцесса могут быть... — бессвязно пробормотал совершенно сбитый с толку музыкант.

Сэймэй и Мицумуси покатались со смеху, глядя на его озадаченное лицо.

— Сэймэй! Опять ты за своё! — шутливо рассердился Хиромаса, багровея. — Хватит выставлять меня дураком! Немедленно выкладывай, в чём тут секрет!

— Полно тебе, дела давно минувших дней, — Сэймэй дружески похлопал его по плечу. — Как-нибудь под хорошую чарку я поведаю тебе эту историю. Сейчас нас должен заботить иной враг — черная скверна, что свила гнездо подле государя. Не время вешать нос, Хиромаса. Главная битва ещё впереди.

Хиромаса посерьёзnel и решительно кивнул:

— Твоя правда. Мы выкурим эту тварь из дворца, чего бы нам это ни стоило!

Сэймэй запрокинул голову, созерцая сияющий лик луны. Он горько и мудро усмехнулся.

— Ах, люди, люди... До чего же вы забавны. Вы скорее поверите призрачным бредням мертвеца, нежели искреннему слову живого человека...

А луна в вышине словно разгорелась ещё ярче, заливая безмолвный сад своим холодным, безучастным светом.

<http://bllate.org/book/20464/2192991>